ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Мой отецъ, приговоренный къ смерти французами.—Новгородскій благородный пансіонъ при гимназіи.—Преподаватели и директоръ Эрдманъ.—Архимандритъ Кіева.—Въ провіантской коммиссіи.—Пререканія провіантской коммиссіи съ войсками.—Мудрое рѣшеніе Сухозанета.—Боровичскій градоправитель.—Энергичный исправникъ.—Укрощеніе бунта исправникомъ.

Съ открытіемъ французской кампаніи 1812 г., для продовольствія въ пути гвардейскаго корпуса, бывшій провіантскій департаментъ назначилъ моего отца и далъ ему, въ помощь по этой операціи, нѣсколько чиновниковъ и нижнихъ чиновъ.

Отецъ мой имѣлъ въ то время двадцать восемь лѣтъ отъ роду и былъ женатъ не болѣе года. Оставивъ свою жену—мою матушку—подъ кровомъ тестя, отецъ отправился, съ штатомъ ввѣренныхъ ему чиновъ, впередъ гвардейскаго корпуса, по назначенному для послѣдняго маршруту, съ значительною суммою казенныхъ денегъ, отпущенныхъ ему провіантскимъ департаментомъ на заготовленіе продовольствія.

Слѣдуя съ своимъ штатомъ чиновъ и пріобрѣтая покупкою продукты, отецъ мой остановился однажды въ одномъ мѣстечкѣ близъ Ковны и нанялъ для себя квартиру, а также и амбары, въ которыхъ и хранилъ, за замкомъ и печатью, заготовленные имъ продукты, въ ожиданіи прибытія гвардейскаго корпуса.

Долго ли, такимъ образомъ, пробылъ мой отецъ въ мѣстечкѣ, названія котораго не помню, мнѣ доподлинно не извѣстно, но только на разсвѣтѣ одного дня къ нему явился вахтеръ съ докладомъ, что къ мѣстечку подступаютъ французы. Съ полученіемъ такого непріятнаго извѣстія, отецъ мой безъ замедленія припряталъ куда-то остававшіяся на его рукахъ, еще въ значительной суммѣ, казенныя деньги, и, лишь

только успѣлъ это окончить, какъ пришелъ къ нему одинъ изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ, бывшій у моего отца правою рукою, съ вѣстію о вступленіи въ мѣстечко войскъ Наполеона. Этотъ чиновникъ легко объяснялся по-французски; отецъ же мой былъ мало знакомъ съ этимъ языкомъ и потому не могъ говорить на немъ. Не прошло и одного часа, какъ при этомъ же чиновникѣ вошелъ въ квартиру моего отца французскій офицеръ, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ солдатъ.

— Кто изъ васъ, господа, завѣдываетъ амбарами съ казенными продуктами?—обратился офицеръ съ вопросомъ къ моему отцу и его сослуживцу.

— Вотъ этотъ господинъ,—отвѣтилъ ему чиновникъ на французскомъ языкѣ,—указавъ на моего отца.

— Мнѣ повелѣно получить отъ васъ ключи и печать отъ амбаровъ съ казенными продуктами,—обратился офицеръ къ моему отцу.

— Подобнаго, милостивый государь, требованія я, безъ разрѣшенія своего правительства, исполнить не могу и не считаю на то за собою никакого нравственнаго права,—отвѣтилъ мой отецъ,—чрезъ своего толмача-чиновника.

— Если такъ, вы лишитесь головы,—произнесъ офицеръ повышеннымъ голосомъ и отретировался.

Отецъ мой оставилъ у себя чиновника завтракать, но вскорѣ явился тотъ же офицеръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ солдатъ, и сказалъ моему отцу:—пойдемте! На вопросъ чиновника, – куда онъ хочетъ вести моего отца,—офицеръ отвѣтилъ,—что его, т. е. моего отца, велѣно разстрѣлять. По передачѣ чиновникомъ такого отвѣта на русскомъ языкѣ, у отца моего невольно навернулись слезы; онъ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ чиновника, попросилъ его передать моей матушкѣ послѣднее прости, надѣлъ фуражку и пошелъ среди вооруженныхъ солдатъ, конвоируемыхъ офицеромъ.

Офицеръ повелъ моего отца въ рощу, въ которую лежалъ путь чрезъ мостъ, перекинутый чрезъ какую-то рѣку. Лишь только мой отецъ прошелъ половину моста, какъ повстрѣчалъ катившаго въ экипажѣ французскаго генерала. Офицеръ отдалъ ему честь, а генералъ, приказавъ кучеру остановить лошадей, предложилъ офицеру также остановиться. Офицеръ остановилъ конвой.

— Кажется, если я только не ошибаюсь, я вижу въ васъ господина Радзиковскаго,—обратился генералъ съ такимъ вопросомъ, на польскомъ языкѣ къ моему отцу.

— Точно такъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ мой отецъ, по-польски же, сдѣлавъ надлежащій поклонъ.

— Куда васъ ведутъ?—снова спросилъ генералъ.

— Разстрѣливать, ваше превосходительство.

— Разстрѣливать? За что?—воскликнулъ генералъ.

Отецъ мой объяснилъ причину.

— Вашъ поступокъ проявилъ въ васъ заносчивость и пренебреженіе къ распоряженіямъ императора, и потому вы, дѣйствительно, заслуживаете, по закону, преданіе васъ смертной казни, но въ память той дружбы, которая существовала неизмѣнно между мною и вашимъ отцомъ по день его кончины, я буду просить императора о помилованіи вашей молодости, а васъ,—обратился онъ къ офицеру,—прошу не слѣдовать далѣе и ожидать на этомъ мѣстѣ новаго распоряженія.

— Я не имѣю права исполнить приказаніе вашего превосходительства, такъ какъ я имѣю повелѣніе немедленно разстрѣлять этого чиновника,—отвѣчалъ офицеръ.

— А когда такъ,—вскричалъ взбѣшенный отвѣтомъ офицера генералъ,—то я ручаюсь честію графа де-Забелла, что если вы осмѣлитесь сдѣлать только одинъ шагъ съ этого мѣста, то будете тутъ же сами разстрѣляны.

Офицеръ отдалъ честь, а генералъ покатилъ къ Наполеону.

Этотъ графъ служилъ вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ, по отцу, при польскомъ королѣ Станиславѣ Августѣ. Они жили между собою, какъ говорится, душа въ душу, и ежедневно играли одинъ у другаго въ бостонъ. Въ тѣ годы отецъ мой былъ еще ребенкомъ и остался по смерти своего отца, умершаго въ чинѣ полковника гвардіи, лѣтъ одиннадцати, при матери; онъ былъ отпечатокъ своего отца, почему и узналъ его графъ де-Забелла.

Прошло порядочно времени томительнаго для моего отца ожиданія и жизни, и смерти, и онъ стоялъ на мосту между вооруженными солдатами, какъ ошельмованный преступникъ. Наконецъ, явился французскій солдатъ и вручилъ офицеру конвертъ. Прочитавъ находившуюся въ конвертѣ бумагу,—офицеръ обратился къ моему отцу и сказалъ:—«вы свободны».

Когда отецъ мой возвращался въ свою квартиру, его встрѣтилъ, слѣдившій за нимъ издали, помянутый чиновникъ и сообщилъ, что заготовленные имъ продукты французами разграблены.

Вскорѣ къ мѣстечку стали приближаться русскія войска; тогда французскія изъ него удалились, и отецъ мой со всѣми прочими опять получилъ свободу. Онъ нашелъ спрятанныя имъ деньги нетронутыми, и о всемъ вышеописанномъ довелъ до свѣдѣнія своего начальства.

И что же? Послѣднее за сохраненіе моимъ отцомъ отъ похищенія французами казенной значительной суммы, равно и за перенесенную имъ въ теченіе порядочнаго времени нравственную пытку и душевное томленіе, наградило его какою-то на воротникъ мундира «нашивкою».

Разсказавъ эпизодъ изъ жизни моего отца, приступлю къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ.

Въ то время, когда я былъ опредѣленъ своими родителями въ благородный пансіонъ новгородской губернской классической гимназіи, послѣдняя помѣщалась въ частномъ каменномъ домѣ, существующемъ и нынѣ на углу Дворцовой и Предтеченской (Губернаторской) улицъ и выходящемъ окнами съ Дворцовой улицы, какъ разъ, противъ оконъ казенныхъ зданій, въ которыхъ въ 30—40-хъ годахъ помѣщался штабъ гренадерскаго корпуса и квартировалъ самъ командиръ этого корпуса. Меня сдали въ пансіонъ 13-го января 1838 года, т. е. уже по истеченіи 160 сутокъ со дня (7-го августа) открытія учебнаго курса, и начальство гимназіи не помыслило предупредить о несвоевременности моего поступленія, потому что я опредѣлялся на иждивеніи родительскомъ; родители же мои положительно не знали о значеніи пропущеннаго полугодія въ учебномъ курсѣ, вслѣдствіе чего я и просидѣлъ въ первомъ классѣ полтора учебныхъ года, и родители мои, ни за что ни про что, заплатили за полугодіе денежки совершенно даромъ, если не принять въ разсчетъ мою форменную экипировку и питаніе меня—отрока. Но питаніе, во всѣ годы моего пребыванія въ означенномъ пансіонѣ, было крайне плохое, потому что, вмѣсто чая, по утрамъ и вечерамъ давался пансіонерамъ сбитень домашняго, вполнѣ экономическаго, приготовленія, такъ какъ почти всегда отзывался на вкусъ болѣе водою, чѣмъ патокою, а къ сбитню пансіонеры снабжались двухъ-копѣечными булками изъ пшеничной муки, кажется, третьяго сорта, да и весьма не рѣдко—черствыми; за обѣдомъ же пансіонеровъ кормили супомъ или щами, съ весьма плохимъ наваромъ, а вываренную въ этой жидкости говядину подавали разрѣзанною на лепестки—вторымъ блюдомъ, большею частію, подъ картофельнымъ соусомъ; въ третьемъ блюдѣ мѣнялись: гречневая и манная на водѣ каша съ миніатюрнымъ къ ней цилиндрикомъ чухонскаго, нерѣдко горькаго или вонючаго, масла; котлеты изъ гречневой каши, картофель въ мундирѣ, размазня изъ гречневыхъ крупъ; по праздникамъ же—трехъ-угольныя лепешки съ черникою; тѣ же кушанья были и за ужиномъ, кромѣ горячаго. По стакану чаю съ однимъ кускомъ сахару и съ булкою изъ пшеничной муки перваго сорта давалось пансіонерамъ только въ самые высокоторжественные дни. Качество сбитня постоянно приводило мнѣ на память слѣдующій, еще въ дѣтствѣ слышанный мною отъ кого-то, анекдотъ: однажды, въ еврейскую корчму заѣхалъ на ночлегъ офицеръ съ денщикомъ; потребовавъ себѣ на ужинъ десятокъ яицъ въ смятку, офицеръ приказалъ еврею накормить денщика; когда же, ложась спать, — офицеръ спросилъ корчмаря,—чѣмъ онъ кормилъ денщика, еврей, не мигнувъ

глазомъ, отвѣтилъ:—«ушицей, что яйки варёны», т. е. тою водою, въ которой онъ варилъ для офицера яйца.

Впрочемъ, если принять въ соображеніе, что число пансіонеровъ никогда не доходило до пятидесяти, а между тѣмъ изъ нихъ двадцать, т. е. почти половина всего комплекта, воспитывались на счетъ помѣщиковъ Новгородской губерніи, которые дотого были не аккуратны во взносахъ платежа на содержаніе ихъ же дѣтей, что въ 1848 году за помѣщиками числилось недоимки едва-ли не болѣе 30.000 р., — такъ и не удивительно, что кормили всякою всячиною и держали почти впроголодь воспитанниковъ пансіона, крупинками со стола которыхъ еще питались: инспекторъ и экономъ—семейные, поваръ, хлѣбопекъ, всѣ сторожа и даже, кажется, прачки.

Говоря о кормленіи воспитанниковъ пансіона, я долженъ упомянуть, что о чистотѣ приготовленія кушаній никто не заботился: это явствовало не только изъ того, что, напримѣръ, картофель въ супѣ частенько бывалъ на половину неочищеннымъ отъ кожи, но однажды пансіонеры были угощены ломтями чернаго хлѣба съ раскромсаннымъ въ нихъ мышенкомъ.

Теперь я опишу нѣкоторыхъ изъ лицъ, служившихъ при гимназіи, которые были чѣмъ-либо замѣчательны и уже давно отошли въ вѣчность.

Михаихъ Мироновичъ Барановъ былъ грозный директоръ, поровшій учениковъ, какъ говорится,—не на жизнь, а на смерть; для таковой операціи онъ держалъ двухъ сторожей: Михайла и Варѳоломея. Бывало, какъ заоретъ Барановъ на все зданіе гимназіи:—Михайло! Варѳоломей! моченыхъ!—такъ всѣ ученики затрясутся. По этому зову, Михаилъ и Варѳоломей моментально, какъ изъ земли, выростали, держа каждый въ своей правой рукѣ пукъ длинныхъ лозъ, только-что вынутыхъ изъ чана съ водою. Если эти два спекулятора желали услужить Баранову или были почему-либо недовольны приготовившимся для принятія сѣченія отрокомъ или юношею, то отъ перваго же взмаха ими лозъ кровь брызгала къ потолку.

Иванъ Васильевичъ Масонъ—инспекторъ, обремененный большимъ семействомъ, вслѣдствіе чего не гнушавшійся подношеніями благодарностей и любившій сѣчь учениковъ, а тѣхъ, которые были постарше лѣтами, даже надѣлять, подъ горячій нѣмецкій часъ, оплеухами; кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, да географическаго описанія французской монархіи, ровно ничего не зналъ. Однажды Масонъ хотѣлъ высѣчь ученика, бывшаго сыномъ какого-то портнаго.—Иванъ Васильевичъ, простите! я папенькѣ скажу, такъ онъ вамъ жилеточку сошьетъ,— вдругъ воскликнулъ ученикъ, обливаясь слезами. Помнится, Масонъ

улыбнулся, поправилъ на своемъ носу золотыя очки, которыя онъ носилъ, и отпустилъ виновнаго.

Учителемъ нѣмецкаго языка былъ Левъ Романовичъ Робинзонъ, кругленькій, съ курчавыми на головѣ рыжими волосами, нѣмецъ. Онъ вызывалъ у учениковъ невольный смѣхъ музыкою какъ бы собственнаго желудка. Дѣло въ томъ, что онъ всегда носилъ при себѣ старинные большіе карманные золотые часы, которые онъ вытаскивалъ, подобно трубочисту, на толстой, длинной, золотой цѣпи, для завода ключикомъ, и спускалъ въ карманъ, не жилетный, а вшитый, въ видѣ узкой галереи, въ брюкахъ почти посреди живота: эти-то часы и перезванивали чрезъ каждыя пятнадцать минутъ.

Другой учитель того же языка и пансіонскій гувернеръ—Леонтій Георгіевичъ или, какъ звали его всѣ, Егорычъ, Ланге былъ единственнымъ разумнымъ блюстителемъ нравственности не только ввѣренныхъ его гувернерству пансіонеровъ, но и всѣхъ вольноприходящихъ учениковъ гимназіи. Онъ неустанно и неупустительно слѣдилъ за каждымъ поступкомъ, за каждымъ дѣйствіемъ, за каждымъ шагомъ воспитанника.

Учитель греческаго языка Гильдеманъ отличался искусствомъ такъ переводить съ греческаго языка на русскій, что въ его переводахъ не было ни смыслу, ни связи.

Учитель словесности, впослѣдствіи инспекторъ, Николай Ивановичъ Коншинъ, заика, отличался крайнею лѣностію заниматься съ учениками преподаваемымъ имъ предметомъ. Имъ были даны ученикамъ риторика и исторія литературы въ рукописи чьего-то сочиненія, должно быть какого-нибудь профессора. Когда, напримѣръ, ученики 5 или 6 класса переводились въ слѣдующіе классы и спрашивали Коншина, по прежнимъ ли руководствамъ они будутъ учить вышепоименованные предметы, такъ какъ они намѣрены или списать таковые, за каникулярное время, съ записокъ товарищескихъ, или даже купить, то Коншинъ воспрещалъ имъ покупать или списывать, завѣряя, что во время каникулъ онъ составитъ новыя записки, но таковыхъ никогда не составлялъ и только учениковъ ставилъ въ критическое положеніе. Удостовѣрившись за нѣсколько лѣтъ въ несбыточности ежегодныхъ Коншинскихъ завѣреній, ученики уже не спрашивали болѣе его по этому предмету, и каждый, кому нужно было, покупалъ или списывалъ все однѣ и тѣ же записки.

Учитель французскаго языка и гувернеръ Павелъ Евгеніевичъ Доригатто, при добромъ расположеніи, показывалъ ученикамъ на игральныхъ картахъ фокусы и игралъ съ ними въ шашки; при нерасположеніи же духа, который иногда вселялся въ него Бахусомъ, любилъ пощипывать пансіонеровъ ногтями. Временами онъ задавалъ ученикамъ учить французскіе стихи наизусть и спрашивалъ таковые, сидя въ классѣ на каѳедрѣ. Пользуясь послѣднимъ обстоятельствомъ, ученики писали задан-

ные Павломъ Евгеніевичемъ стихи карандашемъ на боковой сторонѣ каѳедры и по ней всегда читали безошибочно и тѣмъ удостовѣряли Доригатто въ своемъ отчетливомъ знаніи стиховъ, учить которые напзусть они находили не только сущимъ вздоромъ, но отнятіемъ драгоцѣннаго времени отъ занятія болѣе полезными науками.

Учитель географіи, маленькій ростомъ, съ греческимъ типомъ, Константинъ Ивановичъ Полизо всегда требовалъ, чтобы у учениковъ были приготовлены къ экзамену начерченныя и раскрашенныя ими самими географическія карты, которыя онъ и разстилалъ на экзаменаціонномъ столѣ: конечно, эти карты ученики снимали съ подлинниковъ при посредствѣ оконнаго стекла; обвести же границы и моря, равно и горы, красками было дѣломъ шуточнымъ. Предъ началомъ экзамена, Полизо спрашивалъ каждаго ученика, что онъ лучше знаетъ изъ географіи и, слѣдовательно, о чемъ его спросить; при этомъ Полизо давалъ наставленіе, чтобы ученики не стѣснялись въ отвѣтахъ враньемъ, какъ напримѣръ въ описаніи городовъ говорили бы, что въ такомъ-то городѣ существуютъ фабрики суконныя, въ такомъ-то—заводы салотопенные, въ такомъ-то—заводы мыловаренные и т. п.; «вѣдь, присутствующія на экзаменѣ лица ровно ничего не знаютъ изъ географіи, и потому можете врать имъ, сколько влѣзетъ»,—заключалъ свое наставленіе Полизо. Такимъ способомъ, экзамены сходили у него съ рукъ всегда блистательно, такъ что «и волки были сыты, и овцы были цѣлы».

Учитель законовѣдѣнія былъ маленькій ростомъ, пѣвшій на клиросѣ въ пансіонской церкви басомъ Семенъ Семеновичъ Висковатовъ. Изъ законовѣдѣнія въ гимназіи изучались: изъ X т. гражданскаго закона о правахъ сословій и уложеніе уголовныхъ законовъ о наказаніяхъ; послѣднее, то-есть уложевіе, буквально зубрилось. Висковатовъ, въ своихъ взглядахъ на счетъ экзаменовъ, былъ сіамскимъ близнецомъ Полизо: онъ также убѣждалъ учениковъ врать на экзаменахъ не стѣсняясь ничѣмъ, въ виду того, что никто изъ экзаменаторовъ ровно ничего изъ законовѣдѣнія не знаетъ, и дѣйствительно, «его дѣло было всегда въ шляпѣ».

Учитель французскаго языка и гувернеръ Іосифъ Іосифовичъ Галли любилъ подтягивать пансіонерамъ въ пѣніи разныхъ пѣсенъ, но голосъ его былъ плохой теноръ. Однажды, въ лѣтнее время, раннимъ утромъ, погнали пансіонеровъ, подъ предводительствомъ Галли, на прогулку въ Хутынскій монастырь, отстоящій отъ Новгорода въ десяти верстахъ Пришли пансіонеры въ монастырь св. Варлаама Хутынскаго, отстояли чинно литургію, послѣ которой пообѣдали, что было подвезено на подводѣ изъ пансіона и добыто у крестьянъ существующей при томъ монастырѣ деревни, и за тѣмъ, въ виду того, что пансіонеры посланы гулять на весь день, т. е. до заката солнца, они, въ сопровожденіи

Галли, отправились въ огромный монастырскій садъ. Походивши по всѣмъ дорожкамъ сада, пансіонеры усѣлись по отлогости горки, на которой и до настоящаго времени высится часовенка—мѣсто уединеннаго молитвословія св. Варлаама, и затянули во все горло, подъ аккомпанементомъ Галли: «Солнце на закатѣ, время на утратѣ; сѣли дѣвки на лужокъ, заглянули промежъ..» Проживавшій лѣтнимъ временемъ въ монастырѣ Новгородскій архіерей, услышавъ такое кощунственное пѣніе, прислалъ послушника сказать отъ его имени гувернеру Галли, чтобы не только самое пѣніе было прекращено немедленно, но чтобы и воспитанники были выведены изъ сада безотлагательно. Посланцу пансіонеръ Тевяшевъ хотѣлъ вывертѣть косу, но тотъ успѣлъ убраться благополучно во-свояси. Дѣлать было нечего, да впрочемъ этотъ казусъ и дѣйствительно произошелъ почти уже предъ самымъ закатомъ солнца, и потому Галли повелъ пансіонеровъ обратно въ городъ. Полевою дорогою, при которой кое-гдѣ встрѣчались крестьянскія жилища, воспитанники, на протяженіи десяти верстъ, такъ драли горло, что во всѣхъ избахъ мужики и бабы вскакивали съ кроватей и высовывались въ окна посмотрѣть, что-за процессія такая шествуетъ мимо ихъ мирныхъ жилищъ. На слѣдующій день директоръ Лыкошинъ получилъ отъ архіерея оффиціальную бумагу о томъ, чтобы пансіонеровъ болѣе не водили въ Хутынскій монастырь. Досталось ли отъ директора на орѣхи гувернеру Галли, объ этомъ исторія умалчиваетъ.

Какъ въ баснѣ Крылова «Любопытный не замѣтилъ въ кунсткамерѣ слона», такъ я совсѣмъ было забылъ сказать слово о такомъ лицѣ, которое играло значительную роль при директорѣ Барановѣ и инспекторѣ Масонѣ. Это былъ учитель латинскаго языка въ младшихъ классахъ и пансіонскій гувернеръ, баронъ Иванъ Ивановичъ Мену, впослѣдствіи переведенный, кажется, на должность инспектора Псковской гимназіи. Боже мой! Чего онъ только не творилъ и чего не выдѣлывалъ! Когда онъ бывалъ дежурнымъ въ пансіонѣ, то кровать его выносилась на ночь по его приказанію изъ общей пансіонерской спальни въ залъ. Если на другой день дежурства утренняго класса у него по «росписи» не было, то на ночь онъ уходилъ секретно въ клубъ и возвращался въ пансіонъ только къ шести часамъ утра, т. е. ко времени вставанія воспитанниковъ. Въ частномъ домѣ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ настоящей статьи, классы съ канцеляріею дирекціи помѣщались въ среднемъ, а пансіонъ—въ третьемъ этажѣ. Пансіонскій залъ имѣлъ балконъ, на который двери отворялась всегда свободно. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что баронъ спитъ ночью въ залѣ одинъ, старшіе воспитанники пансіона, уже брившіе бороды—такъ какъ они сидѣли по нѣскольку лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ, благодаря тому,

что воспитывались на счетъ помѣщиковъ, — согласились выбросить ночью барона съ кроватью съ пансіонскаго балкона на улицу, и, навѣрное, устроили бы это, потому что были преотчаянныя головы, но ихъ заговоръ удалось подслушать одному воспитаннику, любимому барономъ, и довести о немъ до свѣдѣнія послѣдняго. Мену и виду не подалъ, что онъ повѣщенъ о составившемся противъ него заговорѣ, но только съ того времени приказалъ одному изъ сторожей постоянно ложиться спать въ залѣ на полу, вблизи его кровати. Онъ преимущественно любилъ тѣхъ учениковъ, которые хорошо учились у него латинскому языку. Лучшихъ по латинскому языку воспитанниковъ пансіона онъ даже кормилъ своимъ собственнымъ обѣдомъ, который приносился ему изъ квартиры или гостиницы его лакеемъ, котораго онъ звалъ «Николашка»: казенныхъ, т. е. пансіонскихъ кушаній баронъ никогда не ѣлъ.

Которому-то классу производился публичный экзаменъ изъ Закона Божія. Вызванный, по обыкновенію, къ доскѣ ученикъ не могъ ни на одинъ вопросъ отвѣтить. «Ну, скажи!» спросилъ его суетившійся около него протоіерей Захарія, «кто спасся во время потопа?» Ученикъ даже и надъ такимъ немудренымъ вопросомъ задумался, но въ этотъ критическій моментъ очутился, невѣдомыми судьбами, баронъ Мену за доскою. Ни мало не мѣшкая, Мену вытаскиваетъ свою завѣтную булавку изъ угла вицъ-мундирнаго лацкана и вонзаетъ ея конецъ изъ-за доски въ самую мягкую часть тѣла ставшаго втупикъ ученика. Послѣдній чуть не подпрыгиваетъ отъ боли и вскрикиваетъ во всеуслышаніе: «ой!» — «Ну такъ, не робѣй, Ной!» подхватываетъ налету выражающее боль междометіе протоіерей Захарія и превращаетъ его въ имя собственное; по экзаменаціонному залу прокатился взрывъ хохота присутствовавшихъ лицъ.

Директоромъ гимназіи былъ потомъ Ѳедоръ Ивановичъ Эрдманъ. Когда мы были представлены ему инспекторомъ, онъ, чертами своего лица, показался намъ чрезчуръ строгимъ начальникомъ, какое о себѣ мнѣніе онъ самъ упрочилъ, на первое время, въ нашихъ головахъ, сказавъ, смотря на всѣхъ насъ, въ отвѣтъ инспектору, жаловавшемуся на нѣкоторыхъ гимназистовъ: «я буду поступать, какъ отецъ съ дѣтьми». И дѣйствительно онъ, во все время своего управленія гимназіею, оправдывалъ свое обѣщаніе: это была олицетворенная родительская добродѣтель! Вскорѣ же, по вступленіи своемъ въ должность директора, Эрдманъ открылъ, для желающихъ пансіонеровъ и вольно-приходящихъ учениковъ гимназіи, безплатные вечерніе классы персидскаго и арабскаго языковъ, которые самъ преподавалъ непосредственно; обратилъ все свое вниманіе на продовольствіе пансіонеровъ, и въ семь часовъ каждаго утра самъ осматривалъ провизію, купленную на довольствіе

воспитанниковъ пансіона; въ этомъ трудѣ помогала ему и достойная всякаго уваженія супруга его, Ольга Ѳедоровна; всѣмъ ученикамъ, отъ большаго до малаго, всегда говорилъ «вы», а не «ты», чѣмъ подавалъ дѣтямъ примѣръ вѣжливости; съ любовію принималъ на себя трудъ преподаванія въ классахъ,—за отсутствіемъ почему-либо учителя,—тѣхъ наукъ, которыхъ онъ былъ спеціалистомъ, какъ напр.: исторіи, латинскаго языка и др. Это былъ человѣкъ громадной эрудиціи; онъ зналъ основательно языки: нѣмецкій, русскій, французскій, латинскій, персидскій, арабскій и, можетъ быть, еще другіе какіе и свободно говорилъ на перечисленныхъ діалектахъ. На двухъ послѣднихъ языкахъ онъ сдѣлалъ въ гимназическую неподвижную библіотеку вкладъ двухъ объемистыхъ печатныхъ томовъ своего сочиненія о какомъ-то предметѣ. Онъ завелъ въ означенной библіотекѣ отдѣлъ—минцъ-кабинетъ.

Изъ содержанія титула Эрдмана, который прописывался полностію на какихъ-либо документахъ, было видно, что онъ считался членомъ всѣхъ существовавшихъ въ то время ученыхъ обществъ, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ 1847 году Эрдманъ довольно продолжительное время занималъ въ гимназіи каѳедру латинскаго языка. Что это за прелестное было преподаваніе такого мертваго предмета! Чуть не на каждую строку переводимаго латинскаго автора Эрдманъ давалъ обстоятельное толкованіе. Если онъ спрашивалъ о чемъ-нибудь ученика, и тотъ откровенно сознавался, что онъ забылъ спрашиваемое, то Эрдманъ съ добродушною улыбкою возражалъ: «ну какъ это такъ; я что читалъ, ничего не забылъ». Полтора часа занятія Эрдмана съ учениками протекали для послѣднихъ рѣшительно незамѣтно, и когда колокольчикъ сторожа давалъ знать о перемѣнѣ лекціи, ученики съ сердечнымъ сожалѣніемъ разставались съ своимъ неоцѣненнымъ ментором Ѳедоромъ Ивановичемъ. Предсѣдательствуя на экзаменахъ, Эрдманъ частенько, увлекшись предметомъ науки, самъ отвѣчалъ за ученика. Такъ я живо помню, какъ однажды на экзаменѣ изъ русской исторіи онъ цѣлые полтора часа говорилъ за ученика о нашествіи монголовъ на Россію. «Не знаю, откуда Эрдманъ почерпалъ историческія свѣдѣнія»,—говорилъ ученикамъ 7 класса учитель исторіи, Александръ Фаустиновичъ Гейсманъ, учившійся въ Казанскомъ университетѣ въ бытность тамъ Эрдмана профессоромъ,—«однажды онъ занималъ въ Казанскомъ университетѣ каѳедру профессора по исторіи, и что же? онъ въ теченіе цѣлаго года читалъ намъ одно царствованіе Александра Македонскаго; помимо воинственныхъ подвиговъ этого монарха, онъ описывалъ намъ его домашній бытъ и даже перечислялъ, какія этотъ государь любилъ кушанья, какъ напр. верблюжьи пятки и т. п.». За что я купилъ, за то и продалъ: если солгалъ объ Эрдманѣ Гейсманъ, такъ значитъ, солгалъ и я: Эрдманъ никогда и никому не давалъ учениковъ въ обиду и вину каждаго

изъ нихъ старался умалить въ глазахъ другихъ до nec plus ultra, конечно, вину не уголовную, а ребяческую. Было нѣсколько случаевъ, въ которыхъ инспекторъ домогался чуть не стереть съ лица земли какого-нибудь воспитанника за какую-нибудь глупость, свойственную уму, еще не развитому, но Эрдманъ становился между воспитанникомъ и инспекторомъ щитомъ непроницаемымъ, и дѣло улаживалось само собою. Разскажу примѣры. Однажды Эрдманъ былъ въ разъѣздахъ по инспектированію училищъ дирекціи; за сутки или двое до его возвращенія, одинъ изъ воспитанниковъ пансіона позволилъ себѣ вымазать за что-то грязною тряпкою лицо своему товарищу по классу; послѣдній пожаловался гувернеру, а гувернеръ доложилъ его жалобу инспектору. Сей каратель всякихъ поступковъ ученическихъ уже не имѣлъ, при Эрдманѣ, права наказывать розгами, въ чемъ ранѣе онъ любилъ зачастую упражняться, придираясь при каждомъ случаѣ къ ученику. Онъ вздумалъ собрать совѣтъ учителей для постановленія журнала объ исключеніи провинившагося изъ пансіона, и дѣло, какъ говорится, было бы у инспектора въ шляпѣ, если бы всѣ учителя, члены совѣта, успѣли собраться, постановить и подписать журналъ въ одно время, но такъ какъ это не привелось въ исполненіе до самаго возвращенія Эрдмана, то инспекторъ и долженъ былъ ограничиться лишь докладомъ Эрдману о сдѣланномъ ученикомъ преступленіи. Что же дѣлаетъ Эрдманъ? Онъ немедленно призываетъ въ свой кабинетъ преступника, даетъ ему, въ присутствіи инспектора, выговоръ и отцовское внушеніе, и за тѣмъ, обратившись къ инспектору, говоритъ: «возьмите отъ него подписку въ томъ, что если онъ еще разъ сдѣлаетъ подобную шалость, то признаетъ справедливымъ быть исключеннымъ изъ учебнаго заведенія».

Давшій подписку недавно скончался въ Петербургѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

По службѣ Эрдманъ былъ неутомимъ: ежедневно въ 8-мъ часу утра можно было застать его въ кабинетѣ сидящимъ за своимъ письменнымъ столомъ, въ вицъ-мундирной парѣ, съ выбритою бородою, съ аппетитною чашкою кофе на столѣ, съ трубкою или сигарою въ губахъ и съ стальнымъ перомъ въ рукѣ.

Прочитывая журналъ «Историческій Вѣстникъ» за 1885 годъ, я натолкнулся, въ части его за сентябрь мѣсяцъ, на статью священника І. К. Мизерецкаго подъ заглавіемъ: «Разсказы объ архимандритѣ Фотіи».

Въ этихъ «разсказахъ» упоминается вскользь о настоятелѣ Сковородскаго монастыря Кіевѣ, и не все изложено объ архимандритѣ Фотіи.

Когда Фотій скончался, насъ, пансіонеровъ гимназіи, гоняли въ Юрьевъ монастырь, отстоящій версты на три отъ Новгорода, про-

щаться съ отшедшимъ архимандритомъ Фотіемъ въ Царство Небесное, и я живо помню, какъ всѣ мы, пансіонеры, проникнутые особымъ чувствомъ благоговѣнія къ мнимо-святому почившему іерарху, старались упредить другъ друга цѣлованіемъ руки въ Бозѣ почившаго святителя. Велико было въ то время обаяніе, которымъ поражала всѣхъ жителей Новгорода мнимая святость еще живаго архимандрита Фотія.

Останки Фотія и графини Анны Орловой, по завѣщанію послѣдней, похоронены въ одной усыпальницѣ рядомъ, и надъ ихъ гробницами, предъ стоящимъ тамъ образомъ, горитъ и по сейчасъ неугасимая лампада, и читается, денно и ночно, священное писаніе по чину. Деревянное масло, если только не прованское, для помянутой лампады покупается и трудъ надгробныхъ чтецовъ вознаграждается суммою изъ процентовъ капитала, особо на сей предметъ внесеннаго въ государственный банкъ графинею Анною Орловою.

Мѣсто архимандрита въ Юрьевомъ монастырѣ, съ кончиною Фотія, занялъ іеромонахъ Мануилъ, упоминаемый въ «Разсказахъ объ архимандритѣ Фотіи», священника Мизерецкаго.

Архимандритъ Сковородскаго монастыря Кіева былъ коренастъ, роста средняго—лицомъ круглъ и смуглъ; съ черною, густою бородою; фигурою плотенъ, толстъ. Онъ могъ бы быть представительнымъ кучеромъ. Шла между новгородцами молва, что будто бы Кіева былъ актеромъ, понравился Фотію; послѣдній сбилъ его идти въ монастырь, и когда Кіева согласился, то пробывъ послушникомъ, вмѣсто установленныхъ трехъ лѣтъ, всего только три дня, былъ посвященъ въ іеродіаконы, а вслѣдъ за тѣмъ—и въ іеромонахи.

Когда Кіева совершалъ богослуженіе, заливался въ «возгласахъ» первымъ тенороиъ; когда же сталъ на клиросѣ, что̀ случалось ему въ нашей гимназической церкви, тогда онъ пѣлъ басомъ, пускалъ октаву, а пареміи читалъ, повышая свой басовый голосъ такъ, что, какъ говорится, стѣны тряслись. Однажды послѣ совершавшейся въ гимназической церкви «всенощной», за которою Кіева неимовѣрно читалъ пареміи, бывшій тогда директоромъ, профессоръ статскій совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Эрдманъ, по вѣроисповѣданію-лютеранинъ, высказалъ свое удивленіе его громогласію, на что̀ Кіева отвѣтилъ, смѣясь: «я посильнѣе бы закончилъ чтеніе паремій, да боялся, чтобы стѣны гимназіи не рухнули, такъ какъ я слышалъ, что въ средину ихъ Рейхель мусору насыпалъ». Генералъ-маіоръ Ѳедоръ Яковлевичъ Рейхель былъ начальникомъ 1-го округа министерства путей сообщенія, въ то время находившагося не въ Вышнемъ Волочкѣ, а въ Новгородѣ. И дѣйствительно, Рейхель руководилъ постройкою зданія Новгородской гимназіи.

Законоучителемъ въ Новгородской гимназіи былъ священникъ, впослѣдствіи—протоіерей Знаменской церкви, кандидатъ с.-петербургской

духовной академіи, Ареѳа Ивановичъ Силуановъ, вдовствовавшій со втораго года своего священства. Онъ-то и былъ у Кипы закадычнымъ другомъ. Кипа всегда останавливался у него, когда почему-либо пріѣзжалъ изъ своего монастыря въ Новгородъ; съ нимъ вмѣстѣ гулялъ и съ нимъ вмѣстѣ бывалъ у кого-либо въ гостяхъ; словомъ, Кипу съ Ареѳою называли иголкою съ ниткою.

Наканунѣ тѣхъ праздничныхъ дней, въ которые Кипа обязанъ былъ участвовать въ архіерейскомъ служеніи обѣдни, онъ пріѣзжалъ въ Новгородъ, останавливался у Ареѳы и съ нимъ вмѣстѣ шелъ къ шести часамъ вечера въ гимназію, въ церкви которой Ареѳа отправлялъ «всенощную», а Кипа пѣлъ съ пансіонерами на клиросѣ, и вотъ тутъ-то, въ антрактахъ пѣнія, онъ поролъ намъ, пѣвчимъ, всевозможную дичь, какъ напримѣръ: «чтобы пустить октаву, надобно поскоблить у сапога голенище». Этимъ друзьямъ священно-служителямъ былъ весь городъ знакомъ, но преимущественно Кипа находилъ для себя широкое раздолье у почтмейстера Ѳедора Ивановича Покровскаго и смотрителя провіантскаго магазина Александра Степановича Попова, у которыхъ для посѣтителей было всегда, какъ говорится, разливное море всякихъ напитковъ отъ водки до шампанскаго включительно.

Если Кипа встрѣчалъ въ означенныхъ домахъ лицо, для себя незнакомое, онъ предварительно обращался секретно къ хозяину съ вопросомъ, что-за личность у него въ гостяхъ и можно ли ему, въ присутствіи этой личности, вести себя безъ всякихъ стѣсненій. Если онъ получалъ отъ хозяина утвердительный отвѣтъ, тогда, послѣ нѣкотораго жертвоприношенія Бахусу, онъ снималъ съ себя клобукъ, наперсный крестъ, рясу, и оставшись въ одномъ подрясникѣ, засучивалъ рукава, бралъ въ руки гитару, ударялъ по ея струнамъ, т. е., что-нибудь начиналъ играть на ней, и съ тѣмъ вмѣстѣ затягивалъ теноромъ какой-нибудь романсъ.

Кипа никогда не лазилъ за словомъ въ карманъ: до того онъ былъ находчивъ въ отвѣтахъ, къ каждой рюмкѣ вина у него былъ цѣлый ворохъ куплетовъ; даже митрополита, посѣщавшаго ежегодно Новгородъ, онъ напутствовалъ остротами, каламбурами и разнаго рода потѣхами: такъ, однажды, сопровождая митрополита въ монастырскомъ саду, онъ занималъ владыку объясненіемъ въ растеніяхъ мужескаго рода и женскаго и причинъ, по которымъ такъ признается наукою; въ другой разъ, за обѣдомъ, даннымъ у архіерея для митрополита и другихъ сановниковъ, на вопросъ высокопреосвященнаго, что должно быть читаемо за трапезою епископа, Кипа незадумавшись отвѣтилъ: «ярлыки на бутылкахъ». И дѣйствительно, обѣденный архіерейскій столъ былъ уставленъ бутылками съ винами различныхъ наименованій.

Въ переднемъ углу пріемной комнаты архимандрита Кипы, въ Ско-

вородскомъ монастырѣ, стояла значительныхъ размѣровъ божница, которая была уставлена св. иконами; внутри же ея, за дверцами, покоились на полкахъ бутыли съ разными напитками и приличныя къ нимъ яства. Подвѣдомственные Кнеѣ монахи, послушники и другіе служащіе, любили его за братское обхожденіе и смотрѣніе сквозь пальцы на ихнія отступленія отъ правилъ монастырскаго устава.

Не довольствуясь провожденіемъ времени среди знакомыхъ лицъ православнаго вѣроисповѣданія, архимандритъ Кнеа не стѣснялся своимъ отшельническимъ званіемъ проводить, съ пріятностію, время и у христіанъ-иновѣрцевъ. Онъ бывалъ и на ихъ масляницѣ, празднуемой иновѣрцами, какъ извѣстно, въ теченіе первыхъ двухъ дней первой недѣли великаго поста.

Случился однажды такой казусъ. У начальника Новгородской губерніи, генералъ-маіора Зурова, былъ о святкахъ маскарадъ, а именно на новый годъ. Когда губернаторскіе аппартаменты уже были переполнены массою двигающихся взадъ и впередъ и танцующихъ масокъ, явились туда два замаскированныхъ господина, изъ которыхъ одинъ, средняго роста, игралъ роль продавца-хозяина, а другой, головою выше перваго, представлялъ собою приказчика, держа въ рукахъ корзину съ разными продающимися предметами. Купецъ, предлагавши многимъ лицамъ купить у него что-нибудь, добрался, наконецъ, и до самого губернатора. Вынувши у приказчика изъ корзины томъ свода гражданскихъ законовъ, купецъ предложилъ эту книгу Зурову, завѣряя его, что безъ руководства этой книги онъ не въ состояніи управлять губерніею. Зуровъ оскорбился такою публичною насмѣшкою и приказалъ разузнать, кто такіе эти продавцы. Хотя Зурову и подсказали, что подъ масками продавцовъ скрываются Кнеа и Ареа, но когда Зурову стало это извѣстнымъ, послѣдніе уже успѣли отбыть изъ его губернаторскихъ аппартаментовъ.

О таковомъ поступкѣ Кнеы, едва-ли не на другой же день, Зуровъ отнесся оффиціальною бумагою къ новгородскому архіерею, прося владыку о привлеченіи Кнеы къ суду за маскированіе. Архіерей вызвалъ къ себѣ Кнеу для словеснаго допроса, но какъ тотъ отперся въ виновности приписаннаго ему преступленія, такъ архіерей нашелся вынужденнымъ назначить лицъ для производства формальнаго слѣдствія по жалобѣ начальника губерніи на противозаконныя дѣйствія архимандрита Кнеы. Допрошенные монахи, послушники и прочіе служители Сковородскаго монастыря всѣ въ одинъ голосъ показали, что Кнеа наканунѣ новаго года слушалъ въ церкви вечернее богослуженіе, изъ монастыря не только не выѣзжалъ, но даже и не выходилъ за ворота, а утромъ присутствовалъ въ алтарѣ во время служенія «утрени».

Оправданный показаніями своихъ подчиненныхъ, архимадритъ Кнеа вступился за честь своего званія: онъ отнесся къ архіерею «репортомъ»

о привлеченіи начальника губерніи, генералъ-маіора Зурова, къ отвѣтственности за нанесеніе оскорбленія какъ ему, Кіевѣ, лично, такъ въ лицѣ его и цѣлому сонму монашествующихъ. Узнавъ объ этомъ, Зуровъ струхнулъ не на шутку, и обратился къ архіерею съ просьбою о примиреніи его съ Кіевою. По убѣжденію архіерея, Кіева изъявилъ согласіе простить Зурова, чѣмъ и покончилъ все дѣло.

Въ 1857 году, по случаю упраздненія новгородской провіантской коммиссіи, я остался за штатомъ. Но вскорѣ состоялся приказъ бывшаго генералъ-провіантмейстера Булгакова о прикомандированіи меня къ московской провіантской коммиссіи.

Въ Москву я прибылъ 14-го октября того же года и въ то же время доложилъ начальнику, полковнику Русову, о томъ, что командиръ гренадерскаго корпуса повысилъ цѣны, открытыя на фуражъ подполковникомъ Макѣевымъ для довольствія войскъ, квартирующихъ въ Тверской губерніи, въ періодъ съ сентября 1857 по февраль 1858 года. Булгаковъ, возвратившись въ Петербургъ, безотлагательно предписалъ московской провіантской коммиссіи предложить означеннымъ войскамъ, чтобы они приняли на себя фуражное довольствіе по открытымъ цѣнамъ; въ случаѣ же несогласія ихъ на то, командировать чиновниковъ для поставки войскамъ фуража натурою, при покупкѣ котораго чиновникамъ отнюдь не выходить изъ открытыхъ цѣнъ Макѣевымъ.

Подполковникъ Макѣевъ, во-первыхъ, собиралъ свѣдѣнія о существовавшихъ цѣнахъ на фуражъ въ хорошую лѣтнюю пору, когда всякія дороги для проѣзда удобны, а во-вторыхъ, ограничился полученіемъ цѣнъ на фуражъ только въ одномъ городѣ Твери, вѣроятно, пожалѣвъ тратить прогонныя деньги на разъѣзды по уѣздамъ, не взявъ себѣ въ трудъ сообразить, что на пространствѣ почти 60.000 кв. верстъ, составляющемъ территорію Тверской губерніи, не можетъ быть земля одинаковаго свойства и, слѣдовательно, одинаковаго плодородія, какъ по количеству, такъ и по качеству ея произведеній.

Помянутое распоряженіе Булгакова воспослѣдовало уже тогда, когда наступила страшная въ томъ году осенняя распутица, продолжавшаяся вплоть до декабря, такъ что, за трудностью подвозки куда-либо, какъ овесъ, сѣно и солома, такъ и прочіе продукты, вздорожали значительно. Это было причиною того,—по правдѣ сказать, фиктивною,—что полки 7-ой легкой кавалерійской дивизіи отказались принять на себя фуражное довольствіе по открытымъ цѣнамъ, а потому московская провіантская коммиссія разослала въ тѣ мѣста, гдѣ квартировали означенные полки, чиновниковъ для довольствія войскъ фуражомъ въ натурѣ по цѣнамъ Макѣевскимъ. О цѣнахъ, существовавшихъ въ то время на овесъ и солому, я не помню; открытая же Макѣевымъ цѣна на сѣно—20 коп. за пудъ поднялась до 35 коп. Въ Бѣжецкій уѣздъ,

въ которомъ въ то время квартировалъ уланскій полкъ, въ первую голову, былъ посланъ, для покупки фуража, титулярный совѣтникъ Шубинъ. Послѣдній, пробѣгавъ нѣсколько дней по городу Бѣжецку, въ поискахъ фуража, донесъ категорически, что по открытымъ цѣнамъ покупать фуражъ невозможно. Русовъ донесъ объ этомъ въ провіантскій департаментъ, и Булгаковъ предписалъ приказать Шубину подать въ отставку. Когда это приказаніе было объявлено Шубину, послѣдній осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и произнесъ: «Слава Богу, а я думалъ, что Булгаковъ разжалуетъ меня въ солдаты; теперь, хотя, въ свою усадебку мы съ женою благополучно уберемся».

Булгаковъ не пользовался у своихъ подчиненныхъ репутаціею добраго и справедливаго начальника.

По удаленіи Шубина изъ города Бѣжецка, московская провіантская комиссія телеграфировала пребывавшему въ городѣ Твери, для ревизіи тамошней дистанціи, старшему члену присутствія той же комиссіи, статскому совѣтнику Николаю Ильичу Байкову, чтобы онъ немедленно, съ полученіемъ телеграммы, отправился въ городъ Бѣжецкъ поддержать фуражное довольствіе уланскаго полка натурою, потому что этотъ полкъ закидалъ донесеніями, что безъ фуража лошади околѣваютъ, а потому онъ и вынужденъ самъ пріобрѣтать довольствіе для лошадей по справочнымъ цѣнамъ.

Бывшій, ранѣе того, нѣсколько лѣтъ главнымъ смотрителемъ тверской провіантской дистанціи и потому хорошо знакомый какъ съ мѣстностями, такъ и со многими обитателями означенной губерніи, Байковъ, прибывъ въ городъ Бѣжецкъ, прямо обратился къ тамошнему городскому головѣ съ просьбою о помощи по довольствію полка фуражомъ. Голова далъ ему двухъ дѣльныхъ и испытанныхъ въ честности мѣщанъ, которые и пустились шнырять по всему уѣзду для покупки фуража, но все-таки по высшимъ, противу открытыхъ, цѣнамъ, такъ что Байковъ за одинъ октябрь, какъ мнѣ достовѣрно было извѣстно, понесъ убытку изъ собственности 506 руб., какъ одну копѣйку, ибо покупку фуража онъ показывалъ въ отчетѣ, страшась гнѣва Булгакова, по цѣнамъ открытымъ. Разумѣется, въ счетъ оказавшагося убытка вошли и разъѣзды съ кормовыми помянутыхъ двухъ мѣщанъ, и различныя надбавки на овсѣ, которыя были вымогаемы полкомъ.

Поддерживая, такимъ образомъ, фуражное довольствіе уланскаго полка натурою, Байковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, телеграфировалъ Русову, чтобы онъ прислалъ, на смѣну его, другаго чиновника, такъ какъ навязанное ему довольствіе не соотвѣтствовало его настоящей служебной обязанности.

Ночью, кажется, на 5-ое число ноября, Русовъ, имѣвшій квартиру

въ одномъ зданіи съ коммиссіею, прибѣжалъ въ послѣднюю и спросилъ сторожа:

— Гдѣ дежурный чиновникъ Радзиковскій?

Я представился.

— Вотъ что, господинъ Радзиковскій,—началъ Русовъ говорить мнѣ, съ поспѣшностью,- членъ Байковъ телеграфируетъ, чтобы на смѣну его прислать въ Бѣжецкъ другаго чиновника. Такъ какъ Егоровъ рекомендовалъ мнѣ васъ съ отличной, во всѣхъ отношеніяхъ, стороны, то для продолженія производимой Байковымъ операціи, я выбираю васъ, надѣясь, что вы вполнѣ оправдаете даваемое мною вамъ порученіе, и потому приготовьтесь завтра ѣхать со мною на вечернемъ поѣздѣ.

На другой день Русовъ метался и по коммиссіи, и въ присутствіи, какъ угорѣлый, все дѣлая какія-то распоряженія, какъ бы предъ генеральнымъ сраженіемъ на жизнь или на смерть.

Смотря на его суету, я вспомнилъ нравоученіе безсмертнаго дѣдушки Ивана Андреевича Крылова: «бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ».

Впослѣдствіи, Байковъ, познакомясь со мною короче,—надо при этомъ сказать, что Николай Ильичъ Байковъ былъ университантъ, добрякъ, умница и писака,—говорилъ мнѣ по секрету, что Русовъ—человѣкъ недалекій; что иногда онъ сочинитъ, чуть не на пяти листахъ рапортъ въ провіантскій департаментъ и проситъ его, Байкова, продактировать его умственное произведеніе, и что хотя, при подобномъ редактированіи, Байковъ и находилъ въ Русовскомъ рапортѣ изрядную дичь, но никогда не рѣшался исправлять и всегда одобрялъ его рапортъ.

Къ назначенному вечернему поѣзду Русовъ взялъ еще, кромѣ меня, нѣсколько чиновниковъ и писарей, и повезъ всѣхъ насъ, по желѣзной дорогѣ, въ городъ Тверь. Пріѣхали мы въ этотъ губернскій городъ и заняли помѣщеніе въ гостиницѣ. Цѣлую ночь, напролетъ, Русовъ суетился, давалъ намъ, чиновникамъ, наставленія, какъ довольствовать войска, и рекомендаціи къ тѣмъ знакомымъ ему лицамъ, у которыхъ будто бы можно было достать покупкою фуражъ, что впослѣдствіи оказалось чистѣйшимъ бредомъ; диктовалъ писарямъ: предписанія намъ, чиновникамъ, и отношенія – командирамъ полковъ о томъ, что для довольствія послѣднихъ командируются такіе-то чиновники. Уже съ разсвѣтомъ, не спавшихъ во всю ночь, утомленныхъ безсонницею, отпустилъ Русовъ насъ грѣшныхъ на почтовую станцію, съ которой мы и отправились всѣ по назначенію, а онъ съ писарями отбылъ въ Москву.

Пріѣзжаю въ Бѣжецкъ, отыскиваю квартиру Байкова и представляюсь ему. Увидавъ меня, онъ несказанно обрадовался мнѣ, какъ

своему близкому родственнику, и разсказалъ, со всѣми подробностями, слѣдующее: командиръ полка упрашивалъ его донести въ коммиссію, что, по случаю неимовѣрной распутицы, невозможно пріобрѣтать фуражъ по открытымъ цѣнамъ; когда же Байковъ отказалъ ему въ этомъ, поставивъ на видъ, что самъ полкъ даже дешевле предложенныхъ ему цѣнъ можетъ покупать фуражъ—такъ какъ ему, Байкову, очень хорошо извѣстно, какъ бывшему тверскимъ дистанціоннымъ смотрителемъ, что войска, при собственной заготовкѣ фуража, весьма мало интересуются качествомъ послѣдняго,—командиръ полка разссорился съ нимъ и при каждомъ предъявленіи Байковымъ овса, въ нанятомъ подъ складъ послѣдняго амбарѣ, не только лично самъ являлся за пріемкою сказаннаго продукта, но и приводилъ съ собою эскадронныхъ командировъ и казначея, и съ ними, чуть не ложась на полъ, выбиралъ изъ разсыпаннаго на амбарномъ полу, для перемѣрки, сухаго овса отдѣлявшуюся шелуху, наполнялъ ею стаканъ и затѣмъ предлагалъ опечатать и представить ее по начальству, въ удостовѣреніе того, что овесъ поставляется чиновниками въ полкъ будто бы недоброкачественный. Во избѣжаніе всякихъ пререканій, Байковъ сначала надбавлялъ, кажется, по два гарнца на каждую принимаемую полкомъ четверть, а впослѣдствіи съ него стягивали едва-ли не по цѣлому четверику къ имѣвшимся восьми мѣрамъ въ кулѣ.

Принять отъ Байкова довольствіе полка я не могъ, во-первыхъ, потому, что онъ не имѣлъ возможности сдать мнѣ, по разсчету, высланныя ему коммиссіею, на предметъ покупки фуража, деньги: такъ какъ нѣкоторая часть суммы была уже израсходована имъ на купленный фуражъ, а нѣкоторая выдана помянутымъ мѣщанамъ на послѣдующую покупку сѣна и соломы. Во-вторыхъ же потому, что въ содѣйствіи мѣщанъ я прямо усмотрѣлъ рѣшительный убытокъ, а безъ содѣйствія означенныхъ людей обойдтись не было никакой возможности, такъ какъ въ деревняхъ ни овса, ни сѣна, ни соломы непосредственно чиновникамъ не продавали, ибо крестьянамъ была строжайше воспрещена помѣщиками какая бы то ни было сдѣлка съ чиновными лицами. О такомъ запретѣ просили помѣщиковъ и самъ командиръ полка, и эскадронные командиры. Объ этомъ я самъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ словоохотливыхъ мужичковъ, впрочемъ «по секрету», равно какъ и то, что «фуражомъ казенной поставки полкъ, небойсь, брезгуетъ, а самъ-то подбираетъ для своихъ лошадей то, что мужички выбрасываютъ за негодностію».

Объ отказѣ своемъ я донесъ коммиссіи, почему и присланъ былъ замѣнить Байкова титулярный совѣтникъ Троицкій, но этотъ также не согласился принять на себя такую щекотливую для кармана операцію, и оба мы остались у Байкова въ помощникахъ.

Между тѣмъ, командиръ полка, получивъ увѣдомленіе отъ Русова о

назначеніи меня вмѣсто Байкова, обрадовался, въ томъ соображеніи, что Байковъ, какъ-ни-какъ, все-таки же поддерживалъ довольствіе полка натурою, а я—новичекъ, незнакомый ни съ мѣстностями, ни съ обывателями уѣзда, навѣрное провалюсь съ этимъ каторжнымъ довольствіемъ, и прислалъ просить меня къ себѣ. Когда я пришелъ къ нему, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, почему я не явился къ нему въ свое время, т. е. когда онъ получилъ увѣдомленіе о томъ, что я будто бы назначенъ къ нему въ полкъ. Я отвѣчалъ, что я командированъ не въ полкъ, а довольствовать полкъ.

— Крайне жалѣю, что я подавалъ руку кучеру Байкову, и надѣюсь, что мы съ вами поладимъ,—сказалъ мнѣ командиръ.

— Довольствія полка фуражомъ непосредственно на себя я не принимаю и остаюсь у статскаго совѣтника Байкова помощникомъ,—отвѣтилъ я.

Полковникъ презрительно кивнулъ мнѣ головой, и я удалился.

По возвращеніи въ свою квартиру—я забылъ упомянуть, что Байковъ, я и Троицкій помѣщались въ одной квартирѣ, холодной и съ проѣденными крысами дырами въ полахъ,—лучшей найдти мы не могли, да и искать-то не было времени,—я передалъ Байкову, слово въ слово, свой разговоръ съ командиромъ и даже не забылъ сообщить, что тотъ назвалъ его кучеромъ. Лишь только я произнесъ послѣднюю фразу, какъ Байковъ улыбнулся, а Троицкій скорчилъ мнѣ гримасу. То и другое я замѣтилъ, и, какъ только мнѣ удалось быть съ Троицкимъ наединѣ, я просилъ его объяснить причину сдѣланной имъ мнѣ гримасы.

— Да помилуйте, какъ же можно колоть человѣка, что называется, не въ бровь, а въ глазъ: говорить, что онъ кучеръ!—отвѣтилъ Троицкій.

— Да вѣдь такъ назвалъ его не я самъ, а командиръ полка!—возразилъ я.

— Да, все-таки не слѣдовало вамъ передавать этого, потому что подобное напоминаніе естественно должно показаться Николаю Ильичу оскорбительнымъ.

— Какое напоминаніе?—спросилъ я Троицкаго.

— Какъ, какое; для чего напоминать ему, что онъ сынъ кучера!—воскликнулъ Троицкій.

— Какъ, сынъ кучера?—съ недоумѣніемъ спросилъ я Троицкаго.

— Да развѣ вы не знаете, что онъ сынъ того Ильи Байкова, который былъ кучеромъ у покойнаго императора Александра I-го?—спросилъ меня, въ свою очередь, Троицкій.

— Это я отъ васъ перваго слышу и никогда этого не заподозрилъ бы; но въ такомъ случаѣ, Николаю Ильичу тѣмъ болѣе чести, что, будучи сыномъ кучера, онъ окончилъ курсъ наукъ въ университетѣ, дослужился

до чина статскаго совѣтника, а главнѣе всего—рѣдкая душа во всѣхъ отношеніяхъ,—заключилъ я нашъ диспутъ.

И, дѣйствительно, Байковъ былъ нашъ: пріятель, товарищъ, другъ, братъ, словомъ, что вамъ угодно. Продолжая посылать мѣщанъ за пріобрѣтеніемъ фуража, Байковъ посылалъ и меня съ Троицкимъ разъѣзжать по селамъ и деревнямъ для покупки сѣна и соломы.

Однажды произошелъ неожиданный казусъ, который, благодареніе Богу, далъ переворотъ всему нашему операціонному дѣлу, «ему же» не предвидѣлся конецъ, ибо легко могло статься, что и съ февраля 1858 года полки 7-ой легкой кавалерійской дивизіи могли не принять на себя фуражнаго довольствія по вновь имѣвшимъ быть открытыми цѣнамъ, которыя также, быть можетъ, показались бы имъ дешевыми, и тогда мы, козлы искупленія чужихъ грѣховъ, были бы неизбѣжно должны покупать фуражъ для уланскаго полка въ теченіе всего февральскаго періода.

Посланный купить сѣно для двухъ эскадроновъ, изъ которыхъ одинъ квартировалъ въ 18, а другой въ 15 верстахъ отъ Бѣжецка, я пріѣзжаю утромъ въ одно село и узнаю, что священникъ того села продаетъ сѣно, хранящееся у него въ сараѣ. Являюсь къ священнику, смотрю его сѣно, нахожу его законнымъ, покупаю, накладываю на возы и отправляю въ деревни, въ которыхъ квартировали намѣченные мною эскадроны. Въ квартировавшій въ 18 верстахъ отъ Бѣжецка я поѣхалъ сдавать самъ, а въ квартировавшій въ 15 верстахъ я послалъ сдавать сѣно мѣщанина Первухина. Во время пути сѣна, повалилъ рыхлый снѣгъ и напалъ на возы хлопьями. Такъ какъ сказанная покупка сѣна совершалась въ ноябрѣ, въ которомъ дни бываютъ уже очень коротки, то мои возы пришли въ мѣста назначенія предъ сумерками. Пока я нашелъ командира эскадрона, пока я уламывалъ его принять сѣно — онъ сознался мнѣ, что командиръ полка приказалъ имъ, эскадроннымъ командирамъ, сколько возможно, придираться къ качеству поставляемыхъ чиновниками продуктовъ и браковать послѣдніе. Пока приняли отъ меня сѣно на эскадронный пудовой безмѣнъ, уже стемнѣло, и эскадронный командиръ былъ въ частности настолько любезенъ, что предложилъ мнѣ ужинъ, а затѣмъ и почлегъ. Бесѣда наша съ нимъ заключалась преимущественно въ спорѣ: онъ настаивалъ на томъ, что Байковъ, съ которымъ онъ былъ ранѣе знакомъ, наживется отъ исполняемой имъ заготовки фуража на довольствіе полка, а я ручался честнымъ словомъ, что если Байковъ еще продлитъ подобнымъ образомъ заготовку, то буквально прогоритъ и пуститъ свою, и безъ того необезпеченную, семью по міру.

На другой день, рано утромъ, я уже летѣлъ въ Бѣжецкъ. Лишь только явился я къ Байкову съ радостною вѣстію, что весьма удачно

исполнилъ его порученіе, какъ онъ сказалъ мнѣ: «А у меня уже былъ Первухинъ съ жалобою, что эскадронный командиръ маіоръ Пан—въ не принимаетъ купленнаго вами сѣна; надобно вамъ сейчасъ же ѣхать туда; Первухинъ уже уѣхалъ».

Пораженный такою нежданною вѣстію, какъ громомъ, нисколько не мѣшкая, я поскакалъ въ тотъ эскадронъ. Пріѣзжаю въ село, нахожу Первухина и спрашиваю его, гдѣ сѣно. «А вотъ пожалуйте,—сказалъ мнѣ Первухинъ,—на этотъ дворъ: тутъ у мужичка я нанялъ мѣсто подъ складъ сѣна и свалилъ его».

— Зачѣмъ же ты свалилъ его?—спрашиваю я.

— Да когда воза пришли, то на верху сѣна лежалъ хлопьями снѣгъ; это увидалъ маіоръ, и, несмотря на то, что весь снѣгъ былъ сметанъ, онъ отказался принимать сѣно, а какъ нанятыя подводы держать было нельзя, то я и былъ заставленъ необходимостію сложить куда-нибудь сѣно на храненіе, «чтобы оно не пропало за-даромъ»,—отвѣтилъ Первухинъ.

Осмотрѣвъ сложенное сѣно, я послалъ просить маіора, чтобы онъ пожаловалъ къ мѣсту нахожденія сѣна для объясненія со мною. Приходитъ П—въ и на вопросъ мой, почему онъ не принимаетъ сѣно, отвѣтилъ, что «оно рыбою пахнетъ». Поспоривъ съ нимъ и не добившись искомаго результата, я раскланялся и отправился въ станціонную избу, приказавъ запрягать для себя лошадей.

Въ сказанной избѣ я засталъ двухъ мужичковъ, изъ которыхъ одинъ курилъ изъ трубченки, внимательно слушая какое-то повѣствованіе своего «побратима». Увидѣвъ меня, они встали, поклонились, и бесѣда ихъ прекратилась. Въ ожиданіи лошадей, я заговорилъ съ ними и узналъ, что курильщикъ есть сельскій писарь, а повѣствователь — сборщикъ крестьянскихъ податей. Во время такого разговора, неожиданно входитъ въ избу П—въ и говоритъ мнѣ, что онъ согласенъ принять сѣно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы я далъ два пуда за одинъ. На это я ему отвѣчалъ категорически, что, во первыхъ, безъ вѣдома Байкова, я ни въ какія сдѣлки съ нимъ входить не считаю себя въ правѣ, а, во-вторыхъ, что если онъ находитъ сѣно качества незаконнаго, тѣмъ болѣе пахнущимъ рыбою, такъ онъ не долженъ и ста пудовъ брать за одинъ. Получивъ такую загвоздку, П—въ ушелъ, не возразивъ мнѣ ни слова. По уходѣ его, я обратился къ находившимся въ избѣ помянутымъ двумъ лицамъ съ вопросомъ, слышали ли они, чего требовалъ отъ меня маіоръ, и могутъ ли дать мнѣ въ томъ подписку. «Слышали, — отвѣчали они вмѣстѣ,—и подписку дать согласны».

Я послалъ находившагося при мнѣ провіантскаго служителя достать бумаги, перо и чернилъ. Когда эти матеріалы были принесены, сельскій писарь сказалъ мнѣ: «Ваше благородіе! сами по себѣ, безъ разрѣшенія

нашего начальства, дать подписку, извините, мы не смѣемъ, а извольте записать насъ, кто мы такіе: мы отъ показанія не отречемся». Я записалъ этихъ сельскихъ служакъ и отправился въ Бѣжецкъ. По пріѣздѣ въ послѣдній, я передалъ Байкову все, что имѣлъ сообщить о П—вѣ и найденныхъ мною свидѣтеляхъ. Байковъ, какъ человѣкъ мягкій, уступчивый, мирный, хотѣлъ согласиться на требованія П—ва, лишь бы, какъ говорится, отойдти отъ зла и сотворить благо, но я, видя, что подобная уступчивость Байкова не только не вразумитъ полка быть въ его дѣйствіяхъ добросовѣстнѣе, но еще болѣе укрѣпитъ въ немъ надежду на возможность добраться до рубашки Байкова, высказалъ ему энергично, что я не оставлю подобныхъ вымогательствъ необнаруженными предъ правительствомъ. Въ тотъ же день я послалъ Русову рапортъ о требованіи у меня маіоромъ непомѣрной надбавки сѣна и въ подтвержденіе этого указалъ записанныхъ мною свидѣтелей.

Рапортъ мой Русовъ представилъ Булгакову, а Булгаковъ о сущности его донесъ военному министру Сухозанету 2-му. Сей мужъ послалъ къ намъ въ Бѣжецкъ на слѣдствіе какого-то своего родственника, маіора О—ва, котораго судьба отличила отъ прочихъ смертныхъ вышиною и объемомъ туловища, напоминавшими собою комнатную чугунную круглую печь, при каковыхъ дарахъ щедрой природы, онъ внушалъ кому угодно опасеніе противорѣчить ему съ глазу на глазъ.

Однажды вечеромъ, уже довольно поздно, Байковъ, Троицкій и я сидѣли въ своей квартирѣ тріумвиратомъ и сводили за столомъ счеты нашихъ покупокъ фуража, какъ вдругъ, неожиданно, входитъ полковой солдатъ и подаетъ разносную полковую книгу съ конвертомъ; на послѣднемъ была нѣчто предвѣщавшая надпись: «Статскому Совѣтнику Байкову».

Распечатавъ конвертъ, Байковъ нашелъ въ немъ другой конвертъ, съ предписаніемъ провіантскаго департамента и записочку отъ маіора О—ва такого содержанія, что онъ, по распоряженію военнаго министра, пріѣхалъ въ Бѣжецкъ по дѣлу о фуражномъ довольствіи войскъ и остановился въ квартирѣ командира полка, а потому приглашаетъ его, Байкова, къ себѣ безотлагательно для личныхъ объясненій. Между тѣмъ, въ предписаніи департамента было ясно выражено, что маіоръ О—въ командированъ въ помощь Байкову по сдачѣ полку фуражныхъ продуктовъ. Байковъ, надобно сказать, имѣлъ большіе, выпуклые глаза; носилъ, по своей близорукости, очки, и при встрѣчѣ всякой неожиданности, таращилъ глаза, чѣмъ и показывалъ видъ испуга. То же самое случилось съ нимъ и теперь.

Прочитавъ вслухъ записку Ор—ва и предписаніе департамента, Байковъ вытаращилъ на насъ глаза, какъ бы требуя отъ насъ слова. Мы, съ своей стороны, смотрѣли на него и ожидали, что онъ скажетъ.

—Я думаю,—прервалъ онъ наше общее молчаніе,—надѣть мундиръ да сходить теперь же.

— И я думаю тоже, - отозвался Троицкій.

— А я такъ думаю совсѣмъ иначе,—молвилъ я въ свою очередь.

— Что же вы такое думаете?—спросилъ меня Байковъ, съ мелькнувшею на его устахъ едва уловимою улыбкою.

— Я думаю,—продолжалъ я, въ серьезномъ тонѣ,—вамъ, Николай Ильичъ, должно не только не ходить къ О—ву, по присланной имъ запискѣ, и тѣмъ не унижать себя предъ маіоромъ, но безотлагательно представить его записку, при рапортѣ, прямо генералъ-провіантмейстеру и просить разъясненія, за кого слѣдуетъ принимать О—ва: за помощника ли вашего по нашей поставкѣ полку фуража, или за слѣдователя по тому же предмету, такъ какъ онъ остановился въ квартирѣ командира полка и запискою приглашаетъ васъ явиться къ нему.

— Что вы, что вы, къ чему это?—возразилъ мнѣ Байковъ,—онъ посланъ военнымъ министромъ, а я буду жаловаться на него генералъ-провіантмейстеру; вы знаете пословицу: плеть обуха не перешибетъ.

— Да, честь лучше безчестья, и ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ,—поддержалъ мнѣніе Байкова Троицкій.

— Какъ знаете! Я здѣсь младшій и чиномъ и лѣтами—я имѣлъ тогда чинъ коллежскаго секретаря и тридцать одинъ годъ отъ роду,—а потому и совѣтовъ, правду говоря, давать старшимъ не имѣю права, но могу поручиться за то, что вашу, Николай Ильичъ, спѣшную визитацію О—въ сочтетъ за робость съ вашей стороны и воспользуется ею для своихъ дальнѣйшихъ предначертаній,—заключилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пойду,—рѣшилъ Байковъ, и, облачившись въ полную форму, поплелся несчастный, часовъ въ одиннадцать ночи, подъ дождемъ, въ непроницаемой уличной тьмѣ,—ибо въ уѣздныхъ городахъ фонарное освѣщеніе полагается только при входахъ въ питейные дома, по ломаннымъ деревяннымъ мосткамъ, претендовавшимъ именоваться тротуарами, въ квартиру командира. Впрочемъ, путь его освѣщался горѣвшею сальною свѣчею въ фонарѣ, несенномъ впереди его однимъ изъ провіантскихъ служителей.

Ждемъ мы съ Троицкимъ возвращенія Байкова и не можемъ дождаться; вотъ уже пробилъ и часъ по полуночи, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Мы испугались и думали, что съ нимъ повстрѣчалось что-нибудь недоброе или на улицѣ, или въ квартирѣ командира полка, но вотъ около половины втораго часа дверь распахнулась, и въ комнату нашу вбѣгаетъ Байковъ. Бросая каску на диванъ, онъ вскричалъ:

— Ну, господа, мы погибли!

— Успокойтесь, успокойтесь, Николай Ильичъ!—проговорили мы съ Троицкимъ въ одно слово

— Что такое случилось?—спрашиваемъ Байкова.

— Какъ же! Представляюсь я О—ву,—началъ свое повѣствованіе Байковъ. «Что вы заводите на полкъ кляузы!» почти вскричалъ О—въ, «сами поставляете въ полкъ всякую дрянь и на него же жалуетесь! Я на васъ съ вашими чиновниками вотъ какое накатаю дѣло!» показалъ онъ рукою, поднявъ ее чуть не до потолка. «Завтра утромъ, къ двѣнадцати часамъ, извольте быть съ вашими чиновниками въ селѣ—названіе я запамятовалъ, но въ немъ стоялъ эскадронъ П—ва—я буду, въ присутствіи всѣхъ васъ, опрашивать свидѣтелей, указанныхъ Радзиковскимъ.

— Завтра, къ назначенному времени, намъ нужно быть въ селѣ,—заключилъ Байковъ.

— Извините, Николай Ильичъ!—отозвался я,—я не поѣду, во-первыхъ, потому, что изъ предписанія генералъ-провіантмейстера отнюдь не видно, чтобы О—въ былъ посланъ производить слѣдствіе; во-вторыхъ, потому, что намъ дорого время для покупки фуража, а вѣдь на исполненіе причудъ О—ва придется пожертвовать совершенно напрасно цѣлыми сутками, потому что и такъ день короче воробьинаго носа; въ третьихъ же потому, что указанныхъ мною свидѣтелей можно спросить здѣсь, въ городѣ, въ земскомъ судѣ подъ присягою.

Въ своей рѣчи я указывалъ на возможность допросить свидѣтелей въ земскомъ судѣ, а того никто изъ насъ, чиновниковъ, не зналъ, что въ Бѣжецкъ уже пріѣзжалъ отъ войскъ какой-то полковникъ и въ земскомъ же судѣ допрашивалъ означенныхъ свидѣтелей «подъ присягою», но что именно они показали, намъ сообщено никѣмъ не было; этотъ военный фортель уже впослѣдствіи случайно сталъ намъ извѣстенъ.

— Ну, а если, на правѣ старшаго, попрошу васъ ѣхать съ нами?—едва пересилилъ себя Байковъ высказать подобную фразу.

— Въ такомъ случаѣ, вашему приказанію я повинуюсь,—отвѣтилъ я съ стѣсненнымъ въ груди дыханіемъ.

На слѣдующій день, взявъ тройку земскихъ лошадей, всѣ мы трое втискались кое-какъ въ телѣжную кибитку и потряслись въ село. Въ дорогѣ насъ обогнали на парѣ рысаковъ, запряженныхъ въ сани съ дышломъ, О—въ съ командиромъ полка. Въ это утро, хотя земля и подмерзла, но такъ какъ снѣгу не было, то санные полозья бѣжецкихъ близнецовъ ужасно драли пристывшую грязь и тѣмъ замедляли ретивый бѣгъ полковыхъ лошадокъ. Зачѣмъ ѣздилъ съ О—вымъ въ село командиръ, для насъ, чиновниковъ, осталось неизвѣстнымъ.

Когда мы въѣхали въ село и вылѣзли изъ телѣги, О—въ съ командиромъ уже стояли посреди улицы, въ ожиданіи нашего прибытія.

— Г-нъ Байковъ,—такъ обратился маіоръ къ статскому совѣтнику, въ присутствіи глазѣвшихъ на нашу комедію крестьянъ и солдатъ,—представьте мнѣ вашихъ чиновниковъ!

Байковъ, указавъ на меня и Троицкаго, произнесъ наши чины и фамиліи.

— Укажите вашихъ свидѣтелей!—обратился ко мнѣ О—въ.

— Здѣсь я не вижу ихъ,—отвѣтилъ я, обозрѣвая толпившуюся вокругъ насъ массу крестьянъ и едва сдерживая въ себѣ гнѣвъ на разыгрывающаго роль имѣющаго власть «вязать и рѣшить».

— Сборщикъ податей ушелъ въ такую-то деревню, за три версты,—отозвались крестьяне.

— Я васъ прошу отыскать его,—обратился опять ко мнѣ О—въ.

— Гдѣ же я буду разыскивать его,—возразилъ я.

Послѣ такого рѣшительнаго моего отвѣта, Байковъ обращается ко мнѣ и говоритъ: «возьмите лошадей и съѣздите за нимъ въ деревню».

Какъ ни тошно было мнѣ такое предложеніе, но изъ любви и уваженія къ личности Байкова, я, безъ слова, сѣлъ въ трясучку и буквально поскакалъ по кочкамъ въ названную крестьянами деревню. Пріѣзжаю въ послѣднюю, спрашиваю, гдѣ сборщикъ крестьянскихъ податей, и получаю отвѣтъ, что онъ ушелъ въ то село, изъ котораго я пріѣхалъ.

— Какъ же онъ мнѣ не повстрѣчался?—спросилъ я.

— Да ваше благородіе изволили пріѣхать на коняхъ, по дорогѣ, а онъ пошелъ кратчайшимъ путемъ, тропинкою,—отвѣтили мнѣ мужички.

Повернувъ обратно лошадей, пріѣзжаю въ село и говорю, что сборщикъ ушелъ изъ той деревни въ это село.

—Да я уже опросилъ свидѣтелей, теперь можете ѣхать,—отвѣтилъ рѣшитель чиновничьей судьбы.

По возвращеніи нашемъ въ Бѣжецкъ, Байковъ и Троицкій разсказали мнѣ, какъ О—въ дѣлалъ опросъ указаннымъ мною свидѣтелямъ.

— Когда было везено сюда сѣно для эскадрона такого-то числа, шелъ ли тогда мокрый снѣгъ?—спросилъ О—въ сельскаго писаря и сборщика податей.

— Такъ точно, ваше превосходительство, шелъ-съ,—отвѣтили свидѣтели.

— Ну и довольно, значитъ, сѣно было мокрое!—заключилъ доморощенный слѣдователь и тѣмъ закончилъ свою интермедію.

О всемъ вышеописанномъ Байковъ донесъ въ Московскую коммиссію, а О—въ поѣхалъ къ Русову и сказалъ послѣднему, что онъ ѣдетъ доложить военному министру, что чиновники дѣйствительно доставляли въ полкъ дурные продукты. Вслѣдствіе этого Русовъ полетѣлъ въ Петербургъ съ обстоятельнымъ докладомъ генералъ-провіантмейстеру, какъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ чиновникамъ полкомъ, при пріемѣ послѣднимъ отъ нихъ фуражныхъ продуктовъ, такъ и о пристрастныхъ дѣйствіяхъ О—ва, впослѣдствіи оказавшагося товарищемъ командиру по кадетскому корпусу.

Выслушавъ словесный докладъ Русова, Булгаковъ сказалъ ему: «поѣзжайте къ военному министру и доложите ему все то, что я въ настоящую минуту слышалъ отъ васъ; скажите, что я прислалъ васъ къ нему».

Русовъ покатилъ къ военному министру и въ кабинетѣ его высокопревосходительства столкнулся, лицемъ къ лицу, съ докладчикомъ О — вымъ.

Выслушавъ объясненія обоихъ Русова и О — ва, Сухозанетъ произнесъ: «изъ вашихъ совмѣстныхъ докладовъ я усматриваю, что чиновники виноваты, но нахожу, что и полкъ не совсѣмъ правъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а потому, въ прекращеніе всякихъ претензій и жалобъ съ обѣихъ сторонъ, нахожу нужнымъ предоставить полкамъ 7-й легкой кавалерійской дивизіи покупать фуражъ въ настоящемъ періодѣ по цѣнамъ, повышеннымъ корпуснымъ командиромъ.

Вслѣдствіе этого мы, чиновники, наканунѣ Николина дня уже катили по зимней малоснѣжной дорожкѣ во-свояси.

Такъ рѣшаются иногда вѣскими людьми дѣла всякаго рода безотвѣтно затѣмъ, что пресса молчалива.

Упомянувъ выше о томъ, что Русовъ былъ не большаго ума, я считаю нравственнымъ долгомъ сказать и о томъ, что онъ заслуживалъ уваженіе сознаніемъ своей священной обязанности не давать въ обиду подвѣдомственныхъ ему лицъ, что̀ весьма рѣдко встрѣчается въ начальствующихъ особахъ.

Съ 1858 по 1868 годъ я проживалъ, обязанный службою, въ г. Боровичахъ. Въ уѣздномъ городѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, познакомишься, volens-nolens, со всякими лицами. Впрочемъ, въ уѣздномъ городѣ, и безъ знакомства, извѣстно каждому все, какъ на ладони, что у кого жарится, варится и печется, а тѣмъ болѣе, кто какъ живетъ, чѣмъ занимается и какія творитъ дѣла. Изъ числа нѣсколькихъ лицъ, скажу о двухъ, болѣе прославившихся и оставившихъ по себѣ цѣлому уѣзду неувядаемую память своими дѣйствіями. Эти два замѣчательныхъ мужа были: городничій, состоявшій подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ, отставной капитанъ князь Баг—нъ и исправникъ—чина его не помню—Димитрій Димитріевичъ Крыловъ. Первый былъ высокаго роста, съ смуглымъ, какъ бы загорѣвшимъ отъ солнца, ужò частію покрытымъ морщинами лицомъ, съ черною повязкою на лбу и съ костылемъ въ рукѣ. Впрочемъ, этими аттрибутами онъ пользовался только во время посѣщенія города высшими сановниками, какъ напр., свѣтлѣйшимъ княземъ Суворовымъ и т. п.; въ остальное же время эти доспѣхи никогда при немъ не обрѣтались. Второй также былъ высокаго роста, изъ кавалеристовъ, съ довольно благородною, представительною наружностію. Первый любилъ кутить на всѣ руки и загребать все въ свой карманъ, что̀ только попадало въ его руки; послѣдній тянулъ неимовѣрно коньякъ, который вогналъ его въ чахотку, и отношеніями

своими къ крестьянамъ ввѣреннаго ему уѣзда уподоблялся кошкѣ, держащей мышку въ своихъ лапкахъ.

Князь Б—нъ, еще до назначенія своего въ г. Боровичи городничимъ, проживалъ въ г. Ригѣ въ то время, когда рижскимъ генералъ-губернаторомъ былъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ. Молва шла, что, проживая въ Ригѣ, въ гостинницѣ, Б—нъ вошелъ въ долги и бѣжалъ изъ гостинницы чрезъ окно куда-то, что̀ стало извѣстнымъ свѣтлѣйшему. Можетъ быть, Б—нъ и еще кое-что творилъ въ Ригѣ «несуразное», ибо когда онъ ужѐ былъ боровичскимъ городничимъ и вздумалъ представиться Суворову, при проѣздѣ послѣдняго въ свое имѣніе, село Кончанское, то Суворовъ прямо сказалъ ему, чтобы онъ избавилъ его отъ своихъ визитацій. Сдѣлавшись боровичскимъ городничимъ, Б—нъ не замѣшкалъ показать всему обществу, что онъ за птица: онъ началъ такъ грабить всѣхъ, кого только можно было обирать, что ему весь городъ далъ прозвище: «Грабитіонъ». Онъ хорошо изучилъ законы о правахъ и обязанностяхъ городничаго и старался пользоваться ими въ свою выгоду при всякомъ представлявшемся къ тому случаѣ. Б—нъ былъ глуховатъ, и потому какъ онъ самъ говорилъ всегда громко, такъ надобно было и ему говорить повышеннымъ голосомъ, что̀ для многихъ составляло порядочное затрудненіе, особенно для слабогрудыхъ.

Передамъ кое-что изъ массы продѣлокъ этого героя. Однажды, позднимъ лѣтнимъ вечеромъ, въ одноэтажномъ деревянномъ домикѣ подрались между собою два еврея. Побиваемый еврей выскочилъ въ окно и прямо бросился съ жалобою въ квартиру городничаго, находившуюся недалеко отъ жилья дравшихся евреевъ. Б—нъ, оставивъ жалобщика у себя, послалъ «десятскаго» за виновнымъ. Когда послѣдній явился, городничій примирилъ ихъ такимъ образомъ: «давайте мнѣ оба по пятеркѣ и убирайтесь къ чорту», прогремѣлъ онъ басомъ. Еврейчики переглянулись, достали изъ своихъ боковыхъ кармановъ бумажки, вынули изъ нихъ по пятирублевкѣ и подали безмолвно «Грабитіону». Онъ положилъ десять рублей въ свой карманъ, а еврейчики удалились съ миромъ.

До вступленія Б—на въ должность городничаго, по улицамъ г. Боровичъ, въ теченіе круглаго года, слонялись обывательскія коровы, отыскивая для себя по стогнамъ града пропитанія на чужой счетъ; въ числѣ ихъ путалась и корова стряпчаго Соловьева. Б—нъ сразу прекратилъ это безобразіе: онъ распорядился загнать всѣхъ шляющихся по городу коровъ въ какой-то дворъ и за выкупъ каждой коровы бралъ съ обывателя въ свою пользу штрафныя деньги, а съ блюстителя законовъ Соловьева сорвалъ двойной кушъ. Стряпчій былъ простакъ, сильно уважалъ горячительное, но никогда, нигдѣ и ни во что не вмѣшивался, а потому и выглядывалъ какимъ-то забитымъ. Онъ бродилъ

изъ дома въ домъ для выпивки, а фиктивная служба его заработывала жалованье и съ каждымъ днемъ приближала Соловьева къ полученію пенсіи.

Узналъ Б—нъ, что боровичскіе торговцы перекупаютъ по утрамъ у черты города продукты, везомые крестьянами на продажу въ городъ. Онъ налетѣлъ туда, рано утромъ, ястребомъ; собралъ изрядную дань съ продавцевъ и покупателей въ свою пользу, и укатилъ домой, оставивъ тѣхъ и другихъ доканчивать ихнія сдѣлки.

Между торгующими лицами въ г. Боровичахъ былъ одинъ зажиточный купецъ-скряга, нѣкто Платонъ Даніиловичъ Кудрявцевъ. Однажды, лѣтнимъ вечеромъ, В—нъ послалъ своего лакея просить этого купца на чай. Платонъ Даніиловичъ, усмотрѣвъ въ этомъ приглашеніи немалую для себя честь, явился на зовъ немедленно.

— Здравствуй, Платонъ Даніиловичъ! Соскучалъ въ одиночествѣ Б—нъ жилъ одинъ, а жена его, говорили, жила въ Москвѣ), думалъ, кого бы пригласить чайку вмѣстѣ испить, да и вспомнилъ о тебѣ, вотъ и послалъ лакея пригласить на чаепитіе,—проимпровизовалъ городничій.

— Весьма благодаренъ вашему сіятельству за сдѣланную мнѣ тѣмъ честь!—отвѣчалъ Кудрявцевъ, низко кланяясь.

— Садись, пожалуйста! Эй, человѣкъ, самоваръ!— пробасилъ Б—нъ.

Самоваръ на столъ поданъ, кипитъ, а чай, между тѣмъ, не заваривается.

— Человѣкъ!—крикнулъ Б—нъ.

— Чего изволите, ваше сіятельство!— сказалъ явившійся на его зовъ лакей.

— Что же ты чай не завариваешь? - спросилъ князь.

— Да ни чаю, ни сахару нѣтъ!—отвѣчалъ лакей.

— Что же ты раньше не сказалъ мнѣ объ этомъ? Платонъ Даніиловичъ! вотъ клочекъ бумаги и карандашъ; напиши къ своей женѣ въ лавку записку, чтобы она отпустила моему человѣку одинъ фунтъ чаю и голову сахару.

Дѣлать было нечего, написалъ Кудрявцевъ записку; чай съ сахаромъ были принесены, и онъ самъ ими угощался.

Понятно, что о платежѣ за товаръ не было и рѣчи. Явился, однажды, въ Боровичское городническое правленіе, по какому-то дѣлу, иногородный молодой купчикъ. Взявъ съ купчика за исполненіе его дѣла малую толику, Б—нъ позвалъ его въ свою квартиру обѣдать. По выходѣ изъ-за стола, городничій, по обыкновенію, взялъ и закурилъ папиросу; то же продѣлалъ и купчикъ въ свою очередь, но не предвидѣлъ онъ, во что обойдется стоимость закуренной имъ папироски.

— Какъ, ты, молокососъ,- внезапно взревѣлъ Б—нъ,—осмѣлился

закурить папироску въ квартирѣ начальника города? Десятскій, отведи его въ арестантскую!

Купчикъ такъ перепугался, что со слезами на глазахъ сталъ просить прощенія.

— Ну, чортъ съ тобой! давай выкупу столько-то и убирайся! Только на первый разъ прощаю тебѣ!

Тотъ безотговорочно отдалъ Грабитіону выкупъ и пустился изъ его квартиры безъ оглядки.

Когда, съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, въ г. Боровичи начали приносить икону Божіей Матери изъ Иверскаго монастыря, и эту икону монахи носили (и теперь носятъ) по домамъ обывателей днемъ и ночью, то Б—нъ и въ этомъ ношеніи изобрѣлъ для себя гешефтъ: онъ бралъ съ зажиточныхъ обывателей деньги за то, чтобы въ ихъ дома икона была принесена прежде, чѣмъ въ другіе, и для сей цѣли, онъ постоянно сопутствовалъ монастырскому намѣстнику, несшему икону, и распоряжался, куда икону нести прежде и куда послѣ.

Живя съ Б—мъ въ одной улицѣ, однажды лѣтомъ, часовъ въ пять по полудни, я проходилъ мимо его квартиры, окна которой почти всѣ были отворены. Онъ жилъ во второмъ этажѣ невысокаго дома. Иду и слышу такого содержанія объясненіе Б—на съ его лакеемъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, вѣдь мнѣ тоже нужны деньги! Какъ же я буду жить, ничего не получая?

— А вотъ ты у меня поговори, такъ я тебя безпаспортнаго за конвоемъ отправлю! Понимаешь?

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство! Это за то, вѣрно, что я вамъ аммуницію сшилъ, да и сюда васъ привезъ на свой счетъ.

Дальнѣйшаго пререканія я уже не могъ слышать, миновавъ домъ, въ которомъ жилъ Б—яъ. Было понятно, что лакей просилъ Б—на объ уплатѣ, а Грабитіонъ имѣлъ понятіе только о получкахъ.

Не знаю, по какому случаю, послѣ двухлѣтняго неустаннаго грабежа, Грабитіонъ перевелся на должность градоначальника же въ г. Устюжну. Какъ только онъ выѣхалъ изъ Боровичей, весьма многіе обыватели послѣдняго принесли на Б—на жалобу о его взяточничествѣ. Было назначено, по этому поводу, слѣдствіе, и Б—нъ былъ вытребованъ въ г. Боровичи на очныя ставки съ его обвинителями. Едва онъ предсталъ предъ ними, какъ всѣ они спасовали и отъ своихъ претензій къ нему отказались, а какъ Б—нъ числился, по бывшей у него контузіи, состоящимъ подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ, то Новгородское губернское правленіе и само было радо прекратить дѣло съ тузомъ ветераномъ. Долго ли Б—нъ куралесилъ въ Устюжнѣ, не знаю, но мнѣ извѣстно, что впослѣдствіи онъ доканчивалъ

*

дни своей бурной жизни въ самомъ Новгородѣ на двухъ пенсіяхъ, составлявшихъ въ годъ тысячу рублей.

Крыловъ былъ для крестьянъ ввѣреннаго ему уѣзда чистѣйшимъ бичемъ, въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Крестьяне всегда были награждаемы отъ него нецензурными выраженіями, и при случаѣ—поролись имъ не на животъ, а на смерть. Методъ сѣченія у него былъ таковъ: велитъ раздѣть и положить мужика, потомъ потребуетъ огня; закуривъ папиросу, велитъ сѣчь, конечно, съ двухъ сторонъ, и деретъ до тѣхъ поръ, пока не докуритъ папиросы. Это я слышалъ отъ тѣхъ его сослуживцевъ, къ которымъ онъ относился всегда благосклонно. Беру, на выдержку, случаи изъ его служебной практики.

Въ глухую осень, возвращалась изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ одна богатая боровичская помѣщица. При ней были горничная и лакей. Пріѣхавъ на Валдайскую станцію и занявъ помѣщеніе въ одномъ изъ тамошнихъ ломовъ, она намѣрена была, по примѣру прежнихъ лѣтъ, ѣхать до г. Боровичей на наемныхъ лошадяхъ. Надобно здѣсь объяснить, что въ то время боровичской желѣзной дороги еще не существовало; была же дорога почтовая отъ станціи Валдайки до г. Боровичей, протяженіемъ въ 38 верстъ, довольно-извилистая и весьма топкая въ дождливую погоду. Отдохнувъ нѣсколько отъ путешествія и не имѣя при себѣ подорожнаго бланка, помѣщица посылаетъ своего лакея къ ямщикамъ спросить, что они возьмутъ за провозъ ея съ двумя слугами и ничтожнымъ багажомъ до г. Боровичей на тройкѣ лошадей въ тарантасѣ. Лакей возвращается и докладываетъ своей госпожѣ, что ямщики всѣ до одного просятъ сорокъ рублей и не сбавляютъ ни одной копѣйки.

— Какъ такъ 40 рублей? Что, они угорѣли?—кричитъ взбѣшенная помѣщица,— вѣдь это сущій дневной грабежъ!—Позови ихъ сюда! я сама переговорю съ ними.—Лакей ушелъ и чрезъ нѣсколько минутъ приводитъ къ своей госпожѣ цѣлую ораву ямщиковъ. Выходитъ къ нимъ помѣщица и говоритъ:

— Что это вы, любезные, такъ дорого запрашиваете? Вѣдь и прогоновъ-то за тройку на 38 верстъ всего полагается не болѣе трехъ рублей.

— Помилуйте, ваше сіятельство,—отвѣчаютъ всѣ ямщики за-одно,— вѣдь, дорога-то какая теперь; сами, ваше сіятельство, изволите знать, то-исъ грязь непролазная, по самую ступицу.

— Голубчики, да, вѣдь, это грабежъ: взять сорокъ рублей за 38 верстъ; вѣдь это за каждую версту болѣе рубля!—возражаетъ помѣщица.

— Воля ваша-съ, ничего не подѣлаешь! Спросъ въ карманъ не

лазить; коли вашему сіятельству кажется дорогонько,—прикажите почтовыхъ подать!

Мужички знали, что у барыни подорожнаго бланка нѣтъ; иначе бы она и нанимать ихъ не подумала.

Полагая, что ямщики одумаются, помѣщица осталась ночевать, но, встрѣтивъ на другой день утромъ то же со стороны возницъ упорство, приказала закладывать лошадей, и когда тарантасъ былъ поданъ къ подъѣзду ея квартиры, она сѣла въ него съ своими слугами, и очередной ямщикъ покатилъ. Такъ какъ въ г. Боровичи помѣщица пріѣхала еще въ такіе часы, когда въ присутственныхъ мѣстахъ продолжались служебныя занятія, то она приказала ямщику остановиться у крыльца дома, въ которомъ помѣщался земскій судъ. Вылѣзши изъ тарантаса и поднявшись по лѣстницѣ въ судъ, помѣщица заявила тамъ свое желаніе видѣть исправника Димитрія Димитріевича Крылова. Получивъ объ этомъ докладъ, Крыловъ не замедлилъ выйдти въ пріемную комнату и, увидавъ знакомую ему госпожу, пригласилъ ее пожаловать въ присутствіе, гдѣ и предложилъ ей кресло. Когда она разсказала ему всю исторію, продѣланную съ нею валдайскими ямщиками, онъ приказалъ позвать къ себѣ ямщика. Ямщикъ явился.

— За сколько ты сторговался везти сюда эту барыню?—спросилъ Крыловъ ямщика.

— За сорокъ рублей, ваше сіятельство,—отвѣтилъ ямщикъ, почесывая въ затылкѣ.

— Десятскій!—крикнулъ Крыловъ.

— Здѣсь!—отозвался десятскій, влѣзая въ присутствіе.

— Потрудитесь отдать ямщику пять рублей, сказалъ Крыловъ,—обратившись къ помѣщицѣ.

Помѣщица отдала ямщику пять рублей.

— Возьми его теперь и дать ему сорокъ ударовъ розгами!—сказалъ Крыловъ десятскому,—а обратившись къ ямщику, присовокупилъ:—передай своимъ товарищамъ по ремеслу, что и о нихъ я не забуду.

Ямщикъ удалился за десятскимъ безмолвно, понуривъ голову, и экзекуція надъ нимъ была приведена съ точностію въ исполненіе, а помѣщица, любезно поблагодаривъ своего ангела-хранителя, отбыла во-свояси.

Боровичскіе граждане выстроили новый, лѣтній, каменный соборъ и просили митрополита Исидора пожаловать для освященія того храма. Прибытіе высокопреосвященнаго владыки въ г. Боровичи должно было послѣдовать въ самую страдную крестьянскую пору, а между тѣмъ, митрополиту Исидору предстояло катиться отъ ст. Валдайки 38 верстъ по самой отчаянной дорогѣ. Что же дѣлаетъ исправникъ Крыловъ. Чтобы отличиться предъ высокопреосвященнымъ владыкою, онъ, отнюдь

не принимая во вниманіе наступившую пору для полевыхъ работъ, выгоняетъ изъ деревень мужиковъ и заставляетъ ихъ привести дорогу въ возможно-лучшее состояніе. И дѣйствительно, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль мужички, разными подходящими способами, такъ исправили дорогу, что митрополитъ Исидоръ катилъ по ней - туда и обратно, какъ по зеркалу; но дорога не долго подержалась въ такомъ улучшенномъ видѣ, вскорѣ она опять пришла въ свое первобытное состояніе, и такимъ образомъ потъ крестьянъ былъ пролитъ напрасно, а въ поляхъ своихъ мужички, навѣрное, сдѣлали немало упущенія.

Въ 1861 году февраля 19-го дня изданъ былъ, какъ извѣстно, Высочайшій манифестъ объ освобожденіи крѣпостныхъ людей. По поводу этого событія, по селамъ и деревнямъ бродили проходимцы-толкователи манифеста и вкривь, и вкось, и тѣмъ только сбивали темный народъ съ пути пониманія сущей истины. Дабы не попасть въ просакъ, нѣкоторыя сельскія общества искали разъясненія смысла въ манифестѣ у такихъ лицъ, которымъ можно было довѣриться. Однажды, лѣтомъ того же года, я увидалъ предъ окнами своей квартиры выстроившуюся, на улицѣ, съ ружьями 14-ю роту Печерскаго пѣхотнаго полка, въ то время квартировавшаго въ г. Боровичахъ, и капитенармуса Лукина, вручающаго что-то каждому солдату. Я отворилъ окно и спросилъ Лукина, что онъ раздаетъ.

— Патроны, ваше благородіе,- отвѣтилъ Лукинъ.

— Для чего?—вновь спросилъ я его.

— Въ земскій судъ требуется рота съ заряженными ружьями,— отвѣтилъ Лукинъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ я его опять.

— Не могу знать; должно быть, бунтъ какой,—отвѣтилъ Лукинъ,— и рота отправилась чуть не бѣгомъ.

Я на-скоро одѣлся и пустился за ротой. Подхожу къ дому, въ которомъ помѣщался земскій судъ, и вдругъ вижу слѣдующую картину: въ глубинѣ двора стоитъ, прижавшись къ забору, порядочная кучка крестьянъ съ обнаженными головами; съ улицы у растворенныхъ настежь воротъ стоитъ 14-я рота солдатъ, держа ружья «на перевѣсъ», во дворѣ у воротъ же нѣсколько солдатъ изъ роты, составивъ свои ружья въ «сошки», дерутъ розгами крестьянъ по очереди; Крыловъ же стоитъ на крыльцѣ. Когда онъ пересѣкъ нѣсколько человѣкъ, то крикнулъ вопросительно къ мужичкамъ:—Поняли?

— Поняли, ваше сіятельство!—откликнулись крестьяне плачевнымъ голосомъ.

— По деревнямъ!—возопилъ Крыловъ,— топнувъ о крыльцо ногою и напутствовавъ нецензурнымъ словомъ.

Съ обнаженными головами, почесываясь, вышли изъ двора мужички и отправились по указанному маршруту.

Я не могъ понять, что это было за представленіе, но на другой же день я узналъ, что всѣ крестьяне Боровичскаго уѣзда, выбравъ изъ своей среды болѣе смышленыхъ и грамотныхъ, командировали ихъ въ земскій судъ просить исправника растолковать имъ смыслъ манифеста. Когда ватага ввалилась во дворъ и поручила кому-то доложить исправнику о цѣли ея прибытія, Крыловъ, вообразивъ у крестьянъ бунтъ и намѣреніе ихъ расправиться съ нимъ за всегдашнія его къ нимъ благодѣянія, приказалъ сказать имъ, что онъ занятъ и чтобы они обождали, а между тѣмъ послалъ одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ къ командиру полка съ просьбою о немедленной присылкѣ роты съ заряженными ружьями къ дому земскаго суда. И вотъ порядочная доза ударовъ розгами была для темнаго люда толкованіемъ Высочайшаго манифеста.

Подобныя уродливыя явленія въ жизни могли осуществляться лишь при отсутствіи тогдашней гласности.

Ив. Радзиковскій.